

Сидоров Виктор Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
v.sidorov@spbu.ru, vsidorov47@gmail.com

Коммуникативные агрессии XXI века: определение и анализ предпосылок

Для цитирования: Сидоров В. А. Коммуникативные агрессии XXI века: определение и анализ предпосылок // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. Т. 15. Вып. 2. С. 300–311. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.212>

Агрессия — реализуемое намерение субъекта нанести максимальный ущерб своему противнику / оппоненту в экономической, военной, культурной, идеологической или нравственной сферах. Коммуникативные агрессии — нанесение оппоненту идейного, культурно-нравственного ущерба по всем медийным каналам — отличаются зреющей готовностью участников к переносу агрессии из символического пространства в физическое, когда причины агрессивного поведения в массовых коммуникациях уже не отделяются их носителями от фанатичного отстаивания «символа веры». ИмPLICITНО формируемые целевые установки коммуникативных агрессий предопределяют активизацию пользователей Интернета для массовизации информационного взаимодействия в социуме и за его пределами. В статье рассматриваются предпосылки коммуникативных агрессий, актуальность их изучения. В качестве непосредственного объекта анализа из медийной практики отбираются факты возникновения агрессивных реакций определенной части российского общества, вызванных конфликтами вокруг «символов веры». Анализ эмпирической базы позволяет сделать первые выводы о природе коммуникативных агрессий, их иерархии. Иерархичность структуры коммуникативных агрессий выражается в том, что их идейное и художественно-публицистическое обоснование предшествует практике широкого применения в прессе, а эта практика, в свою очередь, влияет на потоки агрессивного сознания в сетевой среде и реализацию агрессий в физическом пространстве (факты вандализма по отношению к артефактам культуры — разбитая голова Мефистофеля на старом петербургском доме, гонения со стороны православных активистов на выставку братьев Чепменов в Эрмитаже, запрет постановки «Тангейзера» в Новосибирском театре оперы и балета). Коммуникативные агрессии характеризуются расширяющейся практикой их проявления, технологической оснащенностью и спонтанностью вовлечения в них разных социальных сил. В основу статьи, наряду с анализом фактов возникновения предпосылок агрессивного состояния медийной среды, положены результаты научной дискуссии на круглом столе международного форума «Медиа в современном мире. 56-е Петербургские чтения» (СПбГУ, 13–14 апреля 2017 г.).

Ключевые слова: медиа, коммуникативные агрессии, поляризация социума, сетевые сообщества, православные активисты.

Исследования медиа поставили под пристальное внимание эффекты массовой коммуникации, которые выражаются в стимулировании агрессивных потенциалов ее

аудитории. В то же время вне пределов внимания ученых осталась связь функционирования агрессивного дискурса и включения в него всех слоев общества на основе новейших медийных технологий. Современный этап развития политических и медийных систем показывает, что изучение коммуникативных агрессий — новая научная проблема, требующая свежих решений и методик, а также уточнения предмета изучения. В известной мере это обусловлено

«...появлением феномена сетевых сообществ, значительно отличающихся по своим характеристикам от классической массы людей, [поэтому] ряд устоявшихся теорий и моделей в сфере политического управления и политических коммуникаций требует своего пересмотра и адаптации применительно к интернет-пространству. Так, в рамках развития теории стигматизации акторами, задающими модели политического поведения и способными навесить на оппонента ярлык девианта, становятся сетевые сообщества, проявляющие наибольшую информационную активность» [Володенков 2015: 245].

Агрессия — действия по нанесению ущерба оппоненту / врагу в его жизненно важных сферах. Коммуникативные агрессии — нанесение оппоненту идейно-политического и культурно-нравственного ущерба по медийным каналам. Агрессии в медийной среде в форме ценностного конфликта вокруг «символа веры» ведут к политической и культурной поляризации общества и подпитывают предрассудки социума по отношению к «инаковости» — иному образу мысли, иной культуре, иному поведению. Вместе с тем коммуникативные агрессии чаще всего бывают вызваны культивируемым в социуме неприятием «инаковости», что, в свою очередь, ведет к его идейно-политическому размежеванию. Культурную поляризацию социума часть исследователей трактует как метатенденцию медийной практики современности. Под знаком этой метатенденции прошла большая часть XX в. Но и в наступившем столетии по-прежнему актуальны «очаги возможной поляризации: растущее экономическое неравенство, религиозный и рыночный фундаментализм» [Дзялошинский 2016: 402]. Поэтому коммуникативные агрессии проявляются как направляемые и спонтанные реакции социума на актуальные ценностные раздражители в сферах политики, культуры, религии, экономики, в связи с чем осуществляются по всем каналам передачи информации.

Время сетевых сообществ внесло значительные поправки в то, как понимается динамика социальной жизни, характер протекания и разрешения общественно-политических конфликтов, возникающих на любой почве — экономической, этнической или культурной. Вспомним, как 40 лет назад считалось, что «социальная динамика не может быть непосредственно выведена из массово-информационных процессов, из коммуникативного механизма» [Гуревич 1980: 148].

Сегодня следует с осторожностью воспринимать теоретические постулаты, еще вчера казавшиеся незыблемыми. Возможно, оттого, что

«...в начале третьего тысячелетия человечество столкнулось с войной совершенно нового типа. С войной, где не имеют значения ни верования, ни национальность, ни государственная принадлежность, ни идеология, ни культура, с войной, где нет другой цели, кроме тотального уничтожения, с войной, где противник неисчислим, поскольку им может стать каждый, кто сядет за клавиатуру компьютера. Выиграть эту войну невозможно. Ибо победа в ней неотделима от поражения» [Столяров 2008: 216].

В новых условиях известные нам из истории религиозно-политических общностей и этносов мощнейшие агрессивные умонастроения, возникающие якобы без видимых причин и так же неожиданно угасающие, приобрели второе дыхание за счет реальной и постоянно растущей их способности перерасти коммуникативные одежды и выплеснуться в физическое пространство мировых мегаполисов.

Коммуникативные агрессии делятся — условно — на «разрушающие» (иконоборчество, уничтожение памятников иного этноса, иной культуры, культовых сооружений, преследования за чтение запрещенных книг и других произведений искусства) и «формирующие» (создание и пропаганда образа врага, идеологическое обоснование агрессивных действий). В массовом сознании практика коммуникативных агрессий обыденна. Как «в позднем средневековье коллективное воображение порождало фигуру Зла, стремящегося примкнуть к наиболее активным силам, действующим в обществе» [Мюшембле 2005: 46], так и в наши дни коллективное воображение, репрезентируемое медийными каналами, порождает всеобщее восприятие зловещего образа Радикализма, действующего в облики террориста-смертника. Массовость воображения удешевляет эффекты террора как наведения ужаса и вызывает агрессивное состояние умов. Массовость — необходимое объективное свойство коммуникативных агрессий, поэтому они отличаются активизацией разных по статусу социальных групп — от широко информированных верхов до непросвещенного низа.

Коммуникативные агрессии как современное коллективное Зло призваны заполнить пустоту, возникшую в общественном сознании XXI в., когда, по словам исследователя, «Сатана больше ни за что не отвечает» [Мюшембле 2005: 432], и потому пустота заполняется поисками «тревожной тропы воинствующего национализма, как это случилось на залитых кровью Балканах» [Мюшембле 2005: 433]. Агрессивный национализм стал питательной средой политического радикализма, терроризма в том числе, но даже это обстоятельство не всегда и не во всем ведет человечество к выработке общей исходной позиции в борьбе со злом нового столетия — сказывается раздробленность ценностного фундамента. Так, коллеги из Московского университета отметили, что два последовательно произошедших теракта — 12 и 13 ноября 2015 г., в Бейруте и Париже соответственно, —

«...получили разную степень огласки. Все внимание мирового сообщества было сконцентрировано на французских событиях, а ливанская трагедия прошла в СМИ как стандартное сообщение. И только *волна недовольства, поднявшаяся в социальных сетях* (важная подробность, приоткрывающая позитивное значение социальных сетей; курсив наш. — В. С.), заставила медиасообщество поставить эти два теракта на одну ступень» [Буданова, Кумылганова 2017: 33].

В динамично растущей массе вовлекаемых и уже вовлеченных сетевым миром в акты коммуникативных агрессий, как правило, высока готовность к переносу агрессии из символического пространства в физическое. Потому что побудительные поводы агрессивного поведения забываются быстро, поначалу рационально артикулируемые подлинные (или кажущиеся подлинными) его причины потом никто не отличает от последующего фанатичного отстаивания «символа веры», иррационального в своей основе. Поэтому агрессивный дискурс, быть может, даже начатый кем-либо сознательно, т. е. на некоторых рациональных основаниях, спо-

собен выйти из-под какого бы то ни было контроля и развиваться по собственным законам.

Теперь понятно, почему имплицитно формируемые целевые установки коммуникативных агрессий определяют приоритетность Интернета как среды их проведения — здесь возникает возможность массовости действий и мгновенной реакции толпы (не без влияния лидеров мнений) на изменение ситуации, а подобное трудно достижимо при использовании традиционных СМИ. Пользователи Интернета уверены, что в сетевой среде нет фильтров на путях распространения информации; здесь культивируется иллюзия полной свободы в обмене суждениями. При этом никого не смущает, что в сетевом мире информация — непроверенная, выражение мнений — некорректное, что под прикрытием вымышленных имен одни и те же участники информационных обменов, мигрируя от одного информационного ресурса к другому и третьему, создают видимость протестов со стороны широкой общественности. В результате,

«...говоря о протестной сетевой активности, важно рассмотреть и такой эффект, как радикализация политических настроений сетевых пользователей. <...> значительное число ресурсов и сетевых сообществ давления представляет и агрегирует радикальные и экстремистские взгляды, которые затем успешно артикулируются в публичном политическом пространстве» [Володенков 2015: 119].

Структура коммуникативных агрессий характеризуется иерархичностью: идейное и художественно-публицистическое обоснование коммуникативной агрессии предшествует практике ее широкого применения в прессе, а эта практика, в свою очередь, влияет на потоки агрессивного сознания в сетевой среде с последующим переносом агрессий в физическое пространство. В этом аспекте небезынтересна предпринятая аналитиком градация функционеров терроризма по трем категориям — «люди мысли», «люди эмоции» и «люди действия» [Нечипоренко 2017]. Градацию, по аналогии, можно воспроизвести на феномене коммуникативных агрессий, которые по важнейшим своим основаниям не только близки духу воинствующего радикализма, но и в определенных случаях проявляют полное родство с его политикой.

На вершине трехступенчатой пирамиды — представители интеллектуальных сил общества: идеологи, политики, писатели, публицисты. Многие известны как блогеры, их экспрессивные оценки событий в мире немедленно становятся достоянием подписчиков, число которых доходит до десятков и сотен тысяч. Именно они подхватывают сказанное публицистом и распространяют его — в меру своего понимания, личной трактовки — по сетевым просторам, становясь ступенью передачи информации от «лидера мнения» к рядовым участникам информационного взаимодействия в социуме. Воспроизведение позиции «лидера мнения» не безусловно, происходит со значительными искажениями, «огрублениями», нюансировка суждения отбрасывается, суждение заостряется, вплоть до частичной или полной подмены тезиса.

Безусловно, идейное обоснование необходимых, по мысли «лидера мнения» — философа, писателя, политика, — перемен в жизни общества надо понимать как объективную сторону его труда, и не во всем «лидер мнений» отвечает за реакцию своих подписчиков в Интернете; имеет значение и общая культура аудитории.

Практика публичного выражения мнений авторитетной личностью может быть органичной составляющей конфликтов вокруг важнейших политических и мировоззренческих ценностей, а конфликты на этой почве всегда были и есть особенно ожесточенные. Вот почему, стоит только реальному лидеру мнения начать рассматривать своего оппонента в уничижительных ракурсах, как сразу же в его интернет-аудитории граница между категориями «оппонент» и «враг» станет совершенно неуловимой — на основе примитивизации исходного текста в медийную среду будут вброшены ярлыки, обвинения, экстремистские призывы и т. п. И тогда, как представил себе публицист «Известий», по СМИ и социальным сетям понесется очередная «тысячегинутка ненависти»: брань, бредовые обвинения, галлюцинации на тему 1937 г. и надвигающихся «арестов» [Смирнов 2015]. «Тысячегинутка ненависти» — как начало очередной коммуникативной агрессии, в любой момент готовой перенестись в физическое пространство.

Если протесты со стороны православных активистов Санкт-Петербурга, недовольных экспозицией братьев Чепменов в Эрмитаже — одной из выставок современного искусства в этом музее, — вылились в информационную кампанию возмущений и угроз, то аналогичная ситуация вокруг репертуара МХТ им. А. П. Чехова приняла иную форму — православные активисты, посчитав, что в его спектаклях культивируются развращающие общество сексуальные мотивы, подбросили к дверям театра отрезанную свиную голову, пригрозив мерами физического воздействия в случае продолжения театром его репертуарной политики. Сюжет получил агрессивное продолжение в другом эпизоде культурной жизни России: возмущение православных активистов, обнаруживших факты оскорбления чувств верующих в постановке «Тангейзера» в Новосибирском театре оперы и балета, привело к административному запрету постановки. Перенос коммуникативной агрессии из медийной среды в какое-либо физическое пространство, в данном случае в плоскость активации властных / административных ресурсов, свидетельствует о ее растущей по экспоненте динамике.

Напомним, что православные критики нашли в постановке «Тангейзера» эротические сцены, которые в сочетании с христианской символикой, тоже присутствующей в спектакле, по их мнению, нанесли оскорбление чувствам верующих, что и стало основанием апелляции представителей православной общественности к федеральному закону от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан». Принятие закона отразило целый этап остро противоречивой культурно-политической коллизии в стране. В целом подтвердился вывод американского медиакритика о том, что «современные конфликты на почве сексуальных ценностей и эротического поведения имеют много общего с религиозными распрями предыдущих столетий» [Мерскин 2015: 17].

«В 2012 г. в пропаганде педофилии и наркомании обвинено руководство Музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко. Православные активисты нашли крамолу в постановке оперы „Сон в летнюю ночь“ американского режиссера Кристофера Олдена. Экспертная комиссия департамента культуры Москвы не подтвердила обвинений.

В 2013 г. по инициативе коалиции „За нравственность“ проверке следователей на наличие сцен педофилии и сцен насилия с участием детей подвергся спектакль Кирилла Серебренникова „Человек-подушка“ (МХТ им. А. П. Чехова). Нарушений не обнаружено.

В этом же году комедия Константина Богомолова „Идеальный муж“ подверглась осуждению со стороны РПЦ за „кошунственное осквернение символа распятия и пропаганду однополых отношений“ (МХТ им. А. П. Чехова) [Завьялова, Майорова 2016].

Происходящие в медийной среде конфликты общественно-политического характера очевидны, они перманентно возникают начиная с 2012 г. — с акции «Pussy Riot» в московском храме Христа Спасителя. Эти конфликты показательны для анализа спусковых механизмов агрессивного поведения медийных аудиторий: в конфликты заложено то или иное политическое содержание, и — плюс к тому — в них отмечается присутствие религиозных мотивов, полемики о роли церкви в российском обществе. Соответствующие этим конфликтам публикации в сетевых вариантах крупнейших газет страны сопровождаются комментариями пользователей Интернета. Комментарии зачастую отмечены наступательной лексикой, нередко выходящей за пределы приличий. Один из недавних конфликтов в медиасфере связан со скандалом, развернувшимся вокруг постановки «Тангейзера» в Новосибирском театре оперы и балета (2015). Медийное выражение этого конфликта типично для подобных эпизодов общественной жизни: полемика о «символе веры» и правах меньшинств, поляризация мнений, отказ выслушать оппонента, политизация культурных событий. При составлении выборки поисковая система «Яндекс» на запрос «„Тангейзер“, спектакль Кулябина» принесла следующие сведения. Так, в «Известиях» выделяются 20 развернутых публикаций — аналитические статьи и беседы (первая публикация 5 мая 2015 г.). В «Литературной газете» — 22 публикации; «Независимой газете» — 161; «Новой газете» — 127. Конечно, значения в их абсолютном выражении мало информативны, поэтому мы рассматривали как сами публикации, так и комментарии к ним интернет-пользователей.

Наиболее агрессивные — по содержанию, тону и форме выражения — комментарии к публикациям отмечаются в «Известиях» и «Литературной газете», последовательно поддерживающих официальную точку зрения на важнейшие события в стране и мире; более спокойные и взвешенные — в «Независимой газете» и «Новой газете» — изданиях либерального направления. При углубленном анализе публикаций и комментариев к ним допустимо предположить, что агрессивность откликов в Интернете на тексты «Известий» и «Литературной газеты» явилась следствием провоцирования аудитории тональностью самих публикаций.

Мы не ставим своей целью дать оценку спорным спектаклям, каждый случай особый и нуждается в компетентном анализе. Наша задача — разглядеть признаки агрессивности конфликтов в публичной сфере. В результате отмечается демонстрация агрессивного поведения «блюстителей нравственности»: их действия с подчеркнутым упорством нацелены исключительно на поиск административной поддержки (запретить, снять из репертуара), но рациональный контакт с противной стороной исключен. При этом, как сказано блогером «UNV»:

«...информационный фон кипит. <...> это не просто скандал, это настоящая культурная война. Война в строгом смысле теории игр — когда обе стороны готовы идти на большие издержки, надеясь восполнить их с лихвой после победы...» [UNV 2015].

Сложилась медийная ситуация, когда «перепад мнений и позиций можно воспринять и толковать как признак „культурной растерянности“ современного мира перед лицом брошенных ему вызовов» [Толстых 2015: 293]. Сегодня отмечается усложнение, воспользуемся терминологией Юргена Хабермаса, «культурно побуждающей среды» [Уэбстер 2004: 270]. Усложнение этой среды отмечается нами как признак «культурной растерянности», принимающей очертания агрессивного поведения всех и вся, которое эмоционально очертила актриса Лия Ахеджакова:

«Невозможно дышать в душной атмосфере общей агрессии и неврастении. Какая-то жуткая истерика идет. И со всех сторон, между прочим. Есть Лиза Глинка, которая вывозит на лечение в Россию больных детей из Донецка. Есть Чулпан Хаматова, которая спасает детей от страшных болезней. И вот из-за того, что Лиза и Чулпан обращались к властям, они оплеваны. <...> Зачем? За что? Другая сторона называет себя „патриотами“. Это те, кто вцепляется просто в горло» [Ахеджакова 2015].

Особо значимым ценностным раздражителем медийной среды стала активизация РПЦ в вопросах политики, идеологии и культуры. Заметны артикулируемые претензии церкви на роль главной духовной скрепы общества, фактически — на всеобъемлющее представление его политической и этнокультурной идентичности. Все это вызывает противодействие со стороны той части общественности, которая придерживается идеологии светского государства.

Так, решение властей Санкт-Петербурга передать Исаакиевский собор из ведения государства (в соборе — музей) в распоряжение РПЦ раскололо общественное мнение, вызвало резкие высказывания как противников, так и сторонников этого акта (вот только некоторые: [Представитель РПЦ 2017; Черенева 2017; Пиотровский попросил 2017; Швецова, Ивашин 2017; Самодуров 2017; Бортникова 2017; Сурикова 2017]). И когда с обращением к патриарху РПЦ выступил академик М. Б. Пиотровский, а он рекомендовал церкви в сложившейся неоднозначной ситуации, чтобы и далее не разъединять общество, отказаться от намерения взять в свою собственность Исаакиевский собор [Подосокорский 2017], то в ответ получил резкую по тональности отповедь:

«„Вообще Михаилу Борисовичу, если он ратует за Исаакиевский собор как за исторический памятник, может быть, имеет смысл больше заниматься историческими традициями Эрмитажа как одного из лучших музеев мира, а не устраивать там провокационные выставки, подобные выставке Яна Фабра? Может, стоит озаботиться этим?“ — заявил в четверг „Интерфаксу“ глава епархиального отдела по взаимоотношениям церкви и общества протоиерей Александр Пелин» [Петербургская епархия 2017].

Анализ медийного выражения общественных конфликтов по поводу «символа веры» позволяет вычлнить в их структуре механизм, передающий смыслы с уровня тех, кто своей неприязнью, резкостью в адрес оппонентов продуцирует идейные предпосылки агрессивного поведения, на «низовой» уровень некритического восприятия лидеров мнений. На «верхнем» уровне идея только доводится до опасного

порога, который «этажом ниже» переступается с легкостью, и тут же проявляются все основные признаки агрессивного поведения в массовой коммуникации. Вот на Исаакиевской площади блогер «bloha_v_svitere» вступает в диалог с участником пикета, который проводится в поддержку решения о передаче Исаакиевского собора церкви:

«Затем координатор-православный-активист продолжил: „И вообще, надо Бурова (директора музея в соборе. — В. С.) в отставку! Ишь он, спелся с Пиотровским...“ — „А чем вам Пиотровский не угодил?“ — „Развешал по Эрмитажу голых баб...“ — „Так то голые бабы Рембрандта, Тициана, Рубенса и других великих художников“. — „Ну и что? А потом голые бабы в алтаре появятся“. — „А как насчет голой бабы Евы в алтаре?“ — „Это в каком это алтаре голая Ева?“ — „В Гентском“. — „И где это?“ — „В Европе“. — „Мне Европа не нужна! Там вообще пидарасы женятся“, — авторитетно заявил православный координатор...» [Bloha_v_svitere 2017].

Собеседник блогера, конечно, не самый образованный человек, пользуется стереотипами, почерпнутыми из выступлений радикально настроенных православных публицистов, а если не умеет чем-либо подкрепить свою позицию — то агрессивным наступлением на оппонента. Таким образом, проявление его неприемлемости разрастается, и можно уверенно полагать, что в потенции может приобрести все признаки полномасштабной коммуникативной агрессии.

Сформулируем выводы. В статье рассмотрены факты агрессивных медийных реакций на культурно-политические конфликты в современной России. Факты проанализированы в качестве спусковых устройств, активирующих агрессивное состояние отдельных сфер общественного сознания. Это своего рода предпосылки практик коммуникативных агрессий, имплицитно формируемые целевые установки которых предопределяют приоритетность Интернета как среды реализации агрессивных интенций — есть условия массовизации и мгновенной реакции массовой аудитории Интернета на изменение ситуации.

К нашим результатам о предпосылках коммуникативных агрессий следует добавить выраженное на круглом столе международного форума «Медиа в современном мире. 56-е Петербургские чтения» (СПбГУ, 13–14 апреля 2017 г.) резюме об интенсификации коммуникативных агрессий по следующим параметрам общественно-политического противостояния в медиа:

- 1) «Россия — Запад» — коммуникативные агрессии формируются как ценностные политические и этнокультурные столкновения («историко-культурологические доказательства» реальности образа врага, культивация языка ненависти);
- 2) «Западный мир — радикальный ислам» — коммуникативные агрессии формируются как наступательное утверждение ценностей демократии, веры и нравственности (многоуровневая пропаганда чистоты религиозных догм, демократических ценностей, прав и свобод личности);
- 3) «Мы — Другие» — коммуникативные агрессии формируются как идейное наступление на представителей иного мировоззрения за «символ веры» и этнополитическое доминирование.

Отмеченные параметры формирования предпосылок и практик коммуникативных агрессий следует рассматривать как актуальный предмет последующего научного анализа.

Источники

- Ахеджакова 2015 — Ахеджакова Л. «За нашу и вашу культуру!»». Ерошок З. (записала). *Новая газета*. 64, 2015. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/06/21/64613-liya-ahedzhakova-171-za-nashu-i-vashu-kulturu-187> (дата обращения: 12.05.2017).
- Бортникова 2017 — Бортникова А. «Передачу Исаакиевского собора РПЦ оценили в 3 млрд рублей». *Диалог: интервью агентство*. Дата публикации: 28.01.2017. URL: <http://topdialog.ru/2017/01/28/peredachu-isaakievskogo-sobora-rpc-ocenili-v-3-mlrd-rublej/> (дата обращения: 10.05.2017).
- Завьялова, Майорова 2016 — Завьялова О., Майорова Ю. «Минкультуры нашло пропаганду суицида в шоу «К. У. К. Л. А» Западных». *Известия*. Дата публикации: 03.02.2016. URL: <http://izvestia.ru/news/603113#ixzz4WxYLwaZR> (дата обращения: 12.04.2017).
- Нечипоренко 2017 — Нечипоренко О. «Анатомия террора». *Известия*. Дата публикации: 28.04.2017. URL: <http://izvestia.ru/news/694475> (дата обращения: 17.05.2017).
- Петербургская епархия 2017 — «Петербургская епархия ответила Пиотровскому на призыв отложить передачу Исаакия». *Interfax*. Дата публикации: 26.01.2017. URL: <http://www.interfax.ru/russia/547077> (дата обращения: 11.03.2017).
- Пиотровский попросил 2017 — «Пиотровский попросил патриарха повременить с передачей Исаакия РПЦ, чтобы страсти улеглись». *NEWSru.com*. Дата публикации: 26.01.2017. URL: <http://www.newsru.com/religy/26jan2017/isaak.html> (дата обращения: 10.05.2017).
- Подосокорский 2017 — Подосокорский Н. «Михаил Пиотровский призвал отложить передачу Исаакиевского собора РПЦ». *LiveJournal*. Дата публикации: 26.01.2017. URL: <https://philologist.livejournal.com/9042849.html> (дата обращения: 21.05.2017).
- Представитель РПЦ 2017 — «Представитель РПЦ: Истерия вокруг Исаакия раздувается искусственно». *BBC. News. Русская служба*. Дата публикации: 21.01.2017. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-38745750> (дата обращения: 21.05.2017).
- Самодуров 2017 — Самодуров Ю. «Статус Исаакиевского собора как фактор самоопределения политического режима в России». *Эхо Москвы: Блоги*. Дата публикации: 28.01.2017. <http://echo.msk.ru/blog/samodurov/1917760-echo/> (дата обращения: 14.04.2017).
- Смирнов 2015 — Смирнов И. «Платите и помалкивайте». *Известия*. Дата публикации: 29.10. 2015. URL: <http://izvestia.ru/news/594306#ixzz4WxZND4xp> (дата обращения: 14.04.2017).
- Столяров 2008 — Столяров А. М. *Освобожденный Эдем*. М.; СПб.: АСТ; АСТ Москва; Хранитель; Terra Fantastica, 2008. 414 с.
- Сурикова 2017 — Сурикова О. «В Петербурге митинги: за и против передачи Исаакиевского собора РПЦ». *Sevas*. Дата публикации: 28.01.2017. URL: http://news.sevas.com/world/miting_protiv_peredachi_isaakievskogo_sobora_rpc (дата обращения: 03.04.2017).
- Черенева 2017 — Черенева В. «В Петербурге прошли митинги по судьбе Исаакиевского собора». *Российская газета*. Дата публикации: 28.01.2017. URL: <https://rg.ru/2017/01/28/reg-szfo/v-peterburge-proshli-mitingi-po-sudbe-isaakievskogo-sobora.html> (дата обращения: 03.04.2017).
- Швецова, Ивашин 2017 — Швецова Е., Ивашин А. «Исаакиевский собор передают РПЦ: чего хочет церковь и чего боятся горожане. ФАН-ТВ». *Федеральное агентство новостей*. Дата публикации: 13.01.2017. URL: <https://riafan.ru/594727-isaakievskii-sobor-peredayut-rpc-chego-hochet-cerkov-i-chego-boyatsya-gorozhane-fan-tv> (дата обращения: 03.04.2017).
- Bloha_v_svitere 2017 — Bloha_v_svitere. «Была сегодня у Исаакиевского собора». *LiveJournal*. Дата публикации: 13.01.2017. URL: <http://bloha-v-svitere.livejournal.com/510435.html> (дата обращения: 22.04.2017).
- UNV 2015 — UNV. ««Тангейзер»: пора разобраться». *LiveJournal*. Дата публикации: 10.04.2015. URL: <https://unv.livejournal.com/95474.html> (дата обращения: 26.09.2016).

Литература

- Буданова, Кумылганова 2017 — Буданова Н. К., Кумылганова И. А. «Свои» и «чужие» в контенте СМИ с позиций деонтологии”. *Журналистика в 2016 году: творчество, профессия, индустрия: сборник материалов междунар. науч.-практич. конф.*: в 2 т. Минаева О. Д., Славкин В. В. (ред.). Т. 1. М.: МедиаМир; Ф-т журналистики Московского гос. ун-та, 2017. С. 32–33.
- Володенков 2015 — Володенков С. В. *Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления*. М.: Изд-во Московского ун-та, 2015. 269 с.
- Гуревич 1980— Гуревич П. С. *Буржуазная идеология и массовое сознание*. М.: Наука, 1980. 368 с.
- Дзялошинский 2016 — Дзялошинский И. М. *Экология медиасреды: этические аспекты*. М.: Изд-во Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования, 2016. 501 с.
- Мерскин 2015 — Мерскин Д. *Сексуализация медиа: Как и почему мы это делаем*. Харьков: Гуманитарный центр, 2015. 380 с.
- Мюшембле 2005 — Мюшембле Р. *Очерки по истории дьявола: XII–XX вв.* Морозова Е. В. (пер.). М.: Новое литературное обозрение, 2005. 579 с.
- Толстых 2015 — Толстых В. И. *Хочу — могу — должен: Опыт общественной автобиографии личности*. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 334 с.
- Уэбстер 2004 — Уэбстер Ф. *Теории информационного общества*. Арапов М. В., Малыхина Н. В. (пер.). Вартанова Е. Л. (ред.). М.: Аспект Пресс, 2004. 398 с.

Статья поступила в редакцию 7 июня 2017 г.

Статья рекомендована в печать 28 сентября 2017 г.

Sidorov Viktor Aleksandrovich

St. Petersburg State University
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia
v.sidorov@spbu.ru, vsidorov47@gmail.com

Communicative aggressions of the 21st century: Definition and analysis of the prerequisites

For citation: Sidorov V. A. Communicative aggressions of the 21st century: Definition and analysis of the prerequisites. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2018, vol. 15, issue 2, pp. 300–311. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu09.2018.212>

Aggression is a realized intention of the subject to inflict maximum damage to his / her enemy / opponent in the economic, military, cultural, ideological, or moral spheres. Communicative aggression is the deposition of ideological, cultural and moral damage to an opponent through all media channels. Communicative aggressions are also characterized by the maturing readiness of the participants to transfer aggression from the symbolic to physical space, when the causes of aggressive behavior in mass communications are no longer separated by their carriers from the fanatical upholding of the “symbol of faith”. The implicitly formed targets of communicative aggression predetermine the activation of the Internet users for the mass-scale of information interaction in the society and beyond. The article considers the prerequisites of communicative aggressions and the relevance of their study. The author selects the facts of the emergence of aggressive reactions of a certain part of Russian society that are caused by the conflicts around the “symbols of faith” as a direct object of the analysis. The hierarchy of the communicative aggressions structure is presented in the fact that their ideological, artistic and publicist justification precedes the practice of wide application in the press, and this practice, in turn, affects the flow of aggressive consciousness in the network environment and implementation of aggressions in the physical space. The state of communicative aggression is characterized by an expanding practice of their display, technological

equipment and spontaneity of involving different social forces. The article analyzes the facts of the origin of the prerequisites for the aggressive state of the media environment. It is based on the results of a scientific discussion at the international forum «Media in the modern world. 56th St. Petersburg Readings» (13–14 April 2017).

Keywords: media, communicative aggressions, polarization of society, network communities, orthodox activists.

Text sources

- Ахеджакова 2015 — Akhedzhakova L. “«Za nashu i vashu kul'turu!» [“For Our and Your Culture!”]”. Eroshok Z. (write). *Novaya gazeta* [New Newspaper]. 64, 2015. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/06/21/64613-liya-ahedzhakova-171-za-nashu-i-vashu-kulturu-187> (accessed date: 12.05.2017). (In Russian)
- Бортникова 2017 — Bortnikova A. “Peredachu Isaakievskogo sobora RPTs otsenili v 3 mlrd rublei [The Transfer of St. Isaac’s Cathedral ROC Estimated at 3 Billion Rubles]”. *Dialog: interv’iu agentstvo* [Dialogue: Interview Agency]. Publication date: 28.01.2017. URL: <http://topdialog.ru/2017/01/28/peredachu-isaakievskogo-sobora-rpc-ocenili-v-3-mlrd-rublej/> (accessed date: 10.05.2017). (In Russian)
- Завьялова, Майорова 2016 — Zav’ialova O., Maiorova Iu. “Minkul'tury nashlo propagandu suitsida v shou «K. U. K. L. A» Zapashnykh [Ministry of Culture Found the Propaganda of Suicide in the Show “K. U. K. L. A” Zapashnykh]”. *Izvestiia* [News]. Publication date: 03.02.2016. URL: <http://izvestia.ru/news/603113#ixzz4WxYLwaZR> (accessed date: 12.04.2017). (In Russian)
- Нечипоренко 2017 — Nechiporenko O. “Anatomiia terrora [Anatomy of Terror]”. *Izvestiia* [News]. Publication date: 28.04.2017. URL: <http://izvestia.ru/news/694475> (accessed date: 17.05.2017). (In Russian)
- Петербургская епархия 2017 — “Peterburgskaia eparkhiia otvetila Piotrovskomu na prizyv otlozhit' peredachu Isaakiia [Petersburg Diocese Answered Piotrovsky on the Call to Postpone the Transfer of Isaac]”. *Interfax*. Publication date: 26.01.2017. URL: <http://www.interfax.ru/russia/547077> (accessed date: 11.03.2017). (In Russian)
- Пиотровский попросил 2017 — “Piotrovskii poprosil patriarkha povremenit' s peredachei Isaakiia RPTs, chtoby strasti uleglis [Piotrovsky Asked the Patriarch to Postpone the Transfer of Isaac to the ROC, so That the Passions Subsided]”. *NEWSru.com*. Publication date: 26.01.2017. URL: <http://www.newsru.com/religy/26jan2017/isaak.html> (accessed date: 10.05.2017). (In Russian)
- Подосокорский 2017 — Podosokorskyi N. “Mikhail Piotrovskii prizval otlozhit' peredachu Isaakievskogo sobora RPTs [Mikhail Piotrovsky Urged to Postpone the Transfer of the Isaakievsky Cathedral of the RPTs]”. *LiveJournal*. Publication date: 26.01.2017. URL: <https://philologist.livejournal.com/9042849.html> (accessed date: 21.05.2017). (In Russian)
- Представитель РПЦ 2017 — “Predstavitel' RPTs: Isteriia vokrug Isaakiia razduvaetsia iskusstvenno [Representative of the Russian Orthodox Church: The Hysteria Around Isaakia is Inflated Artificially]”. *BBC. News. Russkaia sluzhba* [BBC. News. Russian service]. Publication date: 21.01.2017. URL: <http://www.bbc.com/russian/features-38745750> (accessed date: 21.05.2017). (In Russian)
- Самодуров 2017 — Samodurov Iu. “Status Isaakievskogo sobora kak faktor samoopredeleniia politicheskogo rezhima v Rossii [Status of St. Isaac’s Cathedral as a Factor of Self-Determination of Political Regime in Russia]”. *Ekho Moskvy: Blogi* [Echo of Moscow: Blogging]. Publication date: 28.01.2017. <http://echo.msk.ru/blog/samodurov/1917760-echo/> (accessed date: 14.04.2017). (In Russian)
- Смирнов 2015 — Smirnov I. “Platite i pomalkivaite [Pay and Keep Your Mouth Shut]”. *Izvestiia* [News]. Publication date: 29.10.2015. URL: <http://izvestia.ru/news/594306#ixzz4WxZND4xp> (accessed date: 14.04.2017). (In Russian)
- Столяров 2008 — Stoliarov A. M. *Osvobozhdennyi Edem* [Liberated Eden]. Moscow; St. Petersburg: AST Publ.; AST Moskva Publ.; Khranitel' Publ.; Terra Fantastica Publ., 2008. 414 p. (In Russian)
- Сурикова 2017 — Surikova O. V “Peterburge mitingi: za i protiv peredachi Isaakievskogo sobora RPTs [In St. Petersburg Rallies: for and against the Transfer of St. Isaac’s Cathedral of the RPTs]”. *Sevas*. Publication date: 28.01.2017. URL: http://news.sevas.com/world/miting_protiv_peredachi_isaakievskogo_sobora_rpc (accessed date: 03.04.2017). (In Russian)

- Черенева 2017 — Chereneva V. “V Peterburge proshli mitingi po sud’be Isaakievskogo sobora [In St. Petersburg There Were Rallies on the Fate of St. Isaac’s Cathedral]”. *Rossiiskaia gazeta* [Russian Newspaper]. Publication date: 28.01.2017. URL: <https://rg.ru/2017/01/28/reg-szfo/v-peterburge-proshli-mitingi-po-sudbe-isaakievskogo-sobora.html> (accessed date: 03.04.2017). (In Russian)
- Швецова, Ивашин 2017 — Shvetsova E., Ivashin A. “Isaakievskii sobor peredaiut RPTs: chego khochet tserkov’ i chego boiatsia gorozhane. FAN-TV [St. Isaac’s Cathedral is Handed Over to the ROC: What Does the Church Want and What Are the Townspeople Afraid of. FAN-TV]”. *Federal’noe agentstvo novostei* [Federal News Agency]. Publication date: 13.01.2017. URL: <https://riafan.ru/594727-isaakievskii-sobor-peredayut-rpc-chego-hochet-cerkov-i-chego-boyatsya-gorozhane-fan-tv> (accessed date: 03.04.2017). (In Russian)
- Bloha_v_svitere 2017 — Bloha_v_svitere. “Byla segodnia u Isaakievskogo sobora [Was Today at St. Isaac’s Cathedral]”. *LiveJournal*. Publication date: 13.01.2017. URL: <http://bloha-v-svitere.livejournal.com/510435.html> (accessed date: 22.04.2017). (In Russian)
- UNV 2015 — UNV. “«Tangeizer»: pora razobratsia [“Tannhäuser”: It’s Time to Figure it Out]”. *LiveJournal*. Publication date: 10.04.2015. URL: <https://unv.livejournal.com/95474.html> (accessed date: 26.09.2016). (In Russian)

References

- Буданова, Кумылганова 2017 — Budanova N. K., Kumylganova I. A. “«Svoi» i «chuzhie» v kontente SMI s pozitsii deontologii [“Ours” and “others” in the Media Content from the Standpoint of Deontology]”. *Zhurnalistika v 2016 godu: tvorchestvo, professiia, industriia; sbornik materialov mezhdunar. nauxhn.-praktich. konf.* [Journalism in 2016: Creativity, Profession, Industry: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]: in 2 vols. Minaeva O. D., Slavkin V. V. (eds.). Vol. 1. Moscow: MediaMir Publ.; Faculty of Journalism of Moscow State University Press, 2017, pp. 32–33. (In Russian)
- Володенков 2015 — Volodenkov S. V. *Internet-kommunikatsii v global’nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravleniia* [Internet Communications in the Global Space of Modern Political Management]. Moscow: Moscow State University Press, 2015. 269 p. (In Russian)
- Гуревич 1980 — Gurevich P. S. *Burzhuznaia ideologiya i massovoe soznanie* [Bourgeois Ideology and Collective Consciousness]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 368 p. (In Russian)
- Дзялошинский 2016 — Dzialoshinskii I. M. *Ekologiya mediasredy: eticheskie aspekty* [Ecology of Media Environment: Ethical Aspects]. Moscow: Academy of Advanced Training and Professional Retraining of Education Workers Press, 2016. 170 p. (In Russian)
- Мерскин 2015 — Merskin D. *Sexing the Media: How and Why We Do It*. New York: Peter lang, 2015 (Russ. ed.: Merskin D. *Seksualizatsiia media: Kak i pochemu my eto delaem* [Sexing the Media: How and Why We Do It]. Khar’kov: Gumanitarnyi tsentr Publ., 2015. 380 p.). (Transl. from English to Russian)
- Мюшембле 2005 — Muchembled R. *Une histoire du diable XIIe–XXe siecle*. Paris: Seuil, 2000. 584 p. (Russ. ed.: Miushemble R. *Ocherki po istorii diavola: XII—XX vv.* [Essays on the History of the Devil: 12th–20th Centuries]. Morozova E. V. (transl.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2005. 584 p.). (Transl. from French to Russian)
- Толстых 2015 — Tolstykh V. I. *Khochu — mogu — dolzhen: Opyt obshchestvennoi avtobiografii lichnosti* [I Want, I Can, I Must: Experience in the Public Autobiography of a Person]. Moscow: Progress-Traditsiia Publ., 2015. 334 p. (In Russian)
- Уэбстер 2004 — Webster F. *Theories of the Information Society*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2002. 304 p. (Russ. ed.: Uebster F. *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Theories of the Information Society]. Arapov M. V., Malykhina N. V. (transl.), Vartanova E. L. (ed.)). Moscow: Aspekt Press, 2004. 400 p.). (Tansl. from English to Russian).